

Российская академия наук
Институт экономики

М.И. Воейков, А.Е. Городецкий, Р.С. Гринберг

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ПРИРОДА ГОСУДАРСТВА:
НОВЫЙ РАКУРС

Москва
Институт экономики
2018

Воейков М.И., Городецкий А.Е., Гринберг Р.С. Экономическая природа государства: новый ракурс: Научный доклад. — М: Институт экономики РАН, 2018. — 54 с.

ISBN 978-5-9940-0634-4

Аннотация. В докладе обсуждаются проблемы эволюции места и роли государства в рыночной экономике. Вращение государства в хозяйственную жизнь социума за последние сто лет было стремительным. Важным является вопрос о том, каковы издержки разрастания объема государственной активности и до какой степени общество готово мириться с ними. Естественным образом возникает потребность в разработке новой теории участия государства в экономике современного общества. И этой цели, которую поставил перед собой Институт экономики РАН (государственное задание на тему «Экономическая теория современного государства») служит нижеследующий текст. Самый важный тезис доклада — положение о превращении современного государства из субъекта рыночного пространства фактически в его организатора (плеймейкера), что выдвигает особые требования к разрабатываемой теории. При этом используется междисциплинарный подход к исследованию вопроса (философия, социология, политология, психология, культурология и т.д.).

Ключевые слова: государство, экономическая теория, политическая экономия, парадигмальный индивидуализм, модели государства, расширение государства, государство плеймейкер.

Классификация JEL: A10, A12, B15, B49.

Voeikov M.I., Gorodetsky A.E., Grinberg R.S. The Economic Nature of the State: a New Perspective: Scientific Report. — М: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2018. — 54 p.

ISBN 978-5-9940-0634-4

Abstract. The report discusses the problems of the evolution of the place and role of the state in a market economy. The rooting of the state into the economic life of the society over the past hundred years was impetuous. Important is the question of what are the costs of increasing the volume of state activity and to what extent society is ready to put up with them. Naturally, there is a need to develop a new theory of state participation in the economy of contemporary society. And this purpose, which was set for itself by The Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the state assignment on the subject "The Economic Theory of the Contemporary State"), is served by the following text below. The most important thesis of the report is the provision on the transformation of the contemporary state from the subject of market space, in fact, to its organizer (playmaker), which puts forward special requirements for the theory, which is being developed. At the same time, an interdisciplinary approach to the study of the issue is used (philosophy, sociology, political science, psychology, culturology, etc.).

Keywords: state, economic theory, political economy, paradigmatic individualism, the models of the state, the expansion of the state, the state playmaker.

JEL Classification: A10, A12, B15, B49.

© Институт экономики РАН, 2018
© М.И. Воейков, А.Е. Городецкий, Р.С. Гринберг, 2018
© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава I. К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕ.....	8
1. О понятии «государство» в истории мысли.....	8
2. Либеральное государство и парадигмальный индивидуализм	13
3. Рост полномочий государства – мировой тренд.....	15
Глава II. ЭВОЛЮЦИЯ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВА	18
1. Модель регулирующего государства.....	18
2. Социальное государство	20
3. Планирующие системы	24
4. Государство развития.....	27
Глава III. ГОСУДАРСТВО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.....	32
1. Государство и расширение экономики.....	32
2. Трансформация социально-классовой структуры	34
3. О новых границах политической экономики	37
Заключение. О модели государства «плеймейкер» (Play-maker).....	41
Литература.....	46

ВВЕДЕНИЕ

В предлагаемом докладе речь идет об эволюции места и роли государства в рыночной экономике. Сотни если не тысячи работ посвящены этой теме. Зачем нужна еще одна? Общеизвестно, что вращение государства в хозяйственную жизнь социума за последние сто лет было неуклонным и, можно даже сказать, стремительным. Принято измерять его участие в экономике величиной так называемой государственной квоты, которая выражается в отношении всех государственных расходов к ВВП.

Если проследить за движением этого показателя в разных странах мира с начала прошлого века до наших дней, то при всех национальных социокультурных различиях обнаружится весьма непротиворечивая картина: государственная квота практически везде выросла чуть ли не на порядок. Сто лет назад она составляла 5–7%, а сегодня от 40 до 60%.

Этот факт, конечно, тоже широко известен. И в общем никем не оспаривается. Не будет новостью и то, что вокруг мощной экспансии государства в экономические отношения постоянно идет в сущности идеологический спор о том, считать ее добром или злом. В любом случае государственная активность, по природе своей имеющая патерналистское содержание, останется постоянным элементом экономических отношений, раз в реальном мире в принципе недостижимы условия, при которых механизмы саморегулирования могли бы действовать безошибочно.

Экономисты разных школ мышления и у нас, и за рубежом находят разнообразные аргументы в пользу того и другого вывода и пытаются влиять на политические решения в соответствии с идеологическими предпочтениями. Но и те, кто не склонен к манихейскому противопоставлению государства и рынка, обычно не идут дальше заключения о нормальности или легитимности так называемой смешанной экономики, оставляя в стороне вопрос о критериях вмешательства государства в рыночные механизмы саморегулирования и способах гармонизации личных и общественных интересов.

Кроме того, открытым остается вопрос о том, каковы издержки разрастания объема государственной активности и до какой степени общество готово мириться с ними, даже если признается необходимость систематического вмешательства государства в механизмы саморегулирования. Другими словами, если более или менее известно, как преодолевать пресловутые провалы рынка, то как поступать с провалами государства?

На фоне всех этих вопросов ослабляется актуальность дискуссии об объеме государственной активности в хозяйственной жизни общества. А первостепенное значение приобретает вид такой активности, ее конкретное содержание как реакция на появление той или иной общественной потребности, которая может быть удовлетворена только посредством государственного вмешательства. Но здесь возникает целый комплекс вопросов в связи с весьма противоречивым постоянно наблюдаемым эмпирическим феноменом: общество все больше нуждается в государственной активности, которая сплошь и рядом вредит его интересам.

Отсюда естественным образом возникает потребность в разработке новой теории участия государства в экономике современного общества. И этой амбициозной цели, которую поставил перед собой Институт экономики РАН (государственное задание на тему «Экономическая теория современного государства») служит нижеследующий политэкономический анализ эволюции вторжения государственной активности в экономические отношения.

Ознакомившись с данным анализом, читатель должен оценить, как сказал поэт И. Бродский, «величие замысла». Ведь его осуществление, несомненно, должно учитывать специфику нашего

времени, которая только усиливает актуальность создания новой парадигмы участия государства в современной хозяйственной жизни общества. А специфика эта такова, что наш мир подвергается сегодня суровым испытаниям практически во всех областях своего бытия. Радикальные изменения в технологиях и вообще бурный научно-технический прогресс впервые создают шансы для комфортной жизни всего человечества, а не только его одной пятой части. В то же время с не меньшей скоростью множатся угрозы и риски его выживания.

Возвращение геополитики с возобновлением холодной войны и гонки вооружений, глобальное потепление климата с его природными аномалиями, распространение очагов международного терроризма, вопиющее материальное неравенство людей, кризис политических элит, падение ценности рационального мышления, распространение ксенофобских и изоляционистских настроений — все это реальные факты нашего смутного времени, требующие адекватного осмысления и эффективного противодействия.

Данная констатация — это не дань так называемому экономическому империализму, во-первых, и не следствие непонимания автором невозможности осмыслить упомянутые угрозы с помощью одной только экономической теории, во-вторых.

Просто подчеркнем, что в наше время стремительного усложнения мира особенно бессмысленны всякие мантры его дээтатизации и призывы к минимальному государству. По существу, они ничем не отличаются от популистских установок левого толка в духе всеобщей национализации и тотальной бесплатности всего и вся. Словом, противоположности действительно сходятся.

Наконец, едва ли не самый важный тезис публикации, может быть, даже ее рефрен — положение о превращении современного государства из субъекта рыночного пространства фактически в его организатора (плеймейкера), что выдвигает особые требования к разрабатываемой теории. Чисто количественный анализ связей и соотношений в современной экономике сегодня уже явно недостаточен для выявления ее реальных трендов и действительности их прогнозирования. Поэтому представляется необходимым дополнить количественный анализ качественным, что означает безальтернативность использования междисциплинарного подхода к иссле-

дованию вопроса (философия, социология, политология, психология, культурология и т.д.).

В заключение одно замечание о практическом значении разрабатываемой теории. В новом взгляде на участие государства в экономике нуждается весь мир. Но для России, склонной безоговорочно бросаться из одной идеологической крайности в другую, она просто необходима. Страна, инициировавшая кончину утопии директивного плана, никак не хочет признать смерть утопии свободного рынка. Так что ей особенно показан принципиально новый, более адекватный подход к диагностике и способам лечения текущих социально-экономических недугов вообще и затянувшейся стагнации реального сектора экономики в частности.

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕ

1. О понятии «государство» в истории мысли

В общественной науке государство обычно рассматривается как политическая форма организации (или, точнее, самоорганизации) жизни общества. Например, Э. Гидденс в своем учебнике пишет: «Государство (*state*) – политический аппарат (правительственные институты плюс чиновники государственной службы), управляющий на определенной территории, власть которого закреплена законом и возможностью использовать силу» (Гидденс, 2005, с. 604). Это было общим местом любой социальной науки, и экономической в том числе. Ведь экономическая наука не обязана изучать политический аппарат. Как отмечают современные исследователи этого вопроса, «тенденция отождествления государства с органами политической власти закладывается в западной философии уже с конца XVII века» (Соколова, Спиридонова, 2003, с. 26). В этой связи любопытно замечание Дж. Бьюкенена, что его не интересует, «что в действительности представляет собой именно *это* государство или государство *вообще*. Наша цель – определить вполне конкретно, хотя и кратко, каким *с нашей точки зрения* государство вообще должно быть» (Бьюкенен, 1997, с. 39).

В российской правовой науке утвердилось два понимания государства: узкое и широкое. Под узким пониманием государства понимается правительство или власть. В широкое понимание государства входят, по мнению Е.Н. Трубецкого, «следующие три элемента: 1) власть, обладающая признаками самостоятельности

и исключительности; 2) совокупность лиц, подчиненных этой власти, — народ и 3) территория» (*Трубецкой*, 1998, с. 212). Иными словами, государство в широком смысле — это правительство или власть (законодательная, исполнительная и судебная); народ и территория. Действительно, когда мы говорим о Российском государстве, мы имеем в виду не только правительство, но и территорию и народ. На это обратил внимание Ф. Хайек следующим образом: «За последние сто лет, главным образом под влиянием континентальных и гегельянских идей, широко распространилась практика говорить о «государстве» (предпочтительно, с заглавной буквы) в тех случаях, где точнее и уместнее было бы говорить о «правительстве». Действует или проводит политику всегда организация, именуемая правительством, и совсем не способствует ясности, когда термин «государство» используется там, где достаточно было бы сказать «правительство» (*Хайек*, 2016, с. 66). Это совершенно верное замечание, и хотя в нижеследующем тексте чаще всего употребляется термин «государство», но имеется в виду прежде всего «правительство».

В российской практике и в книгах часто можно встретить разделение государства, под которым имеют в виду центральное правительство, и местное самоуправление, которое как бы к российскому государству не относится. Думается, что это идет от все еще не изжитых остатков феодализма, когда под государством понимается начальник, сидящий в московском Кремле. Вот он Государь и он же государство. Все остальное только приложение. В демократических странах, наоборот, государство начинается с местного самоуправления и поднимается до федерального уровня. Так, Германия состоит из 16 земель, которые имеют свои конституции, избирают парламенты, формируют правительства. Некоторые земли даже называются государствами. В нижеследующем тексте «государство» понимается именно в таком демократическом смысле.

В то же время развитие демократии вполне может вести к усилению государства, его разбуханию и разрастанию, в конечном счете к превращению государства в тоталитарное. Как-то Мишель Фуко заметил, что «призвание государства — как раз быть тоталитарным, т.е. в конечном итоге осуществлять неукоснительный контроль надо всем» (*Фуко*, 2006, с. 47). Приведем еще фразу П. Бурдьё, что «государство связано с письмом» (*Бурдьё*, 2017,

с. 60). То есть государство связано с писанными законами, установлениями, нормами. Даже правила письменной речи (орфография, пунктуация) устанавливаются государством. Чем больше письма, тем больше государства. Контроль надо всем, и прежде всего над экономикой, превращает государство в предмет исследования экономической науки, и стало быть политической экономии. Старая марксистская парадигма и либеральная концепция стремятся к преодолению государства или хотя бы его минимизации, а неоклассическое направление экономической теории, наоборот, государство все больше начинает рассматривать как важный инструмент достижения экономической эффективности. Либеральные экономисты этим недовольны. Так, Марк Пеннингтон пишет: «Доминирующая в экономической теории неоклассическая традиция выдвигает все более и более изощренные обоснования для широкого государственного вмешательства, от регулирования производства товаров до экологических налогов» (Пеннингтон, 2014, с. 12). Теперь дело дошло и до политической экономии. Если экономикс стремится усовершенствовать функциональные связи в экономике, то политическая экономия призвана объяснить этот процесс и почему государство тут выполняет ключевую роль. Стало быть, государство становится предметом политэкономического исследования.

По логике старых либеральных экономистов получается, что политическая форма мешает нормальному протеканию экономического процесса. «Основная идея классического либерализма, — пишет Ноам Хомский, — заключается в оппозиции ко всем формам государственного вмешательства в личную и социальную жизнь, кроме предельно ограниченных и минимальных» (Хомский, 2012, с. 11). Либералы упорно обходят вопрос, откуда эта форма взялась и почему она сейчас мешает. Раньше, во времена Адама Смита, государство как политическая форма самоорганизации общества не мешала экономическому процессу, а сегодня мешает. Странная логика. Конечно, во времена А. Смита государство не было таким большим и разбухшим, но и экономика была много меньше и проще. Ведь рост государства — это самопроизвольный, спонтанный процесс, за который и выступают либеральные экономисты. Спонтанность либералам нравится, а вот конкретный

результат этой спонтанности, который выражается в существенно возросшей роли государства, им не нравится. Что-то плохо с логикой у этих либеральных экономистов. На устарелость позиции либералов обратил внимание еще в конце XIX века Г.В. Плеханов: «Для экономистов отсталой школы ... талисманом служит прелестный девиз: “невмешательство государства” (Плеханов, 1956, с. 301). А в наших университетах часто этих отсталых экономистов выдают за современную экономическую мысль. А вот высказывание Карла Поппера середины 1940-х гг.: «Принцип государственного невмешательства в экономику – принцип, на котором основывается не ограниченная законодательно экономическая система капитализма, должен быть отброшен. Если мы хотим защитить свободу, то должны потребовать, чтобы политика неограниченной экономической свободы была заменена плановым вмешательством государства в экономику» (Поппер, Т. 2, 1992, с. 146). Устарелость концепции невмешательства заключается в том, что современное государство перестает (или уже перестало) быть только политической формой, она наполняется экономическим содержанием, становится демиургом экономики.

Либеральную концепцию государства Ф. Блок называет старой парадигмой, на смену которой приходит новая: «Новая парадигма начинается с опровержения идеи вмешательства государства в хозяйственную деятельность. Вместо этого утверждается, что его действия *всегда* играют ключевую роль в формировании хозяйства, и позиционировать государство как нечто за рамками хозяйственной деятельности – бессмысленная задача» (Блок, 2004, с. 579). Соглашаясь с тем, что необходима новая парадигма, все же заметим, что далеко не *всегда* государство играло ключевую роль в экономическом развитии. Хозяйство средневекового крестьянина в существенно меньшей степени было зависимо (если было вообще) от государства, чем деятельность современного фермера. За многовековую историю хозяйственная деятельность человечества существенно изменилась, и, стало быть, была эволюция такой формы общества, как государство. Сегодня государство не просто политическая форма, а, как уже говорилось, наполняется экономическим содержанием, превращается в экономическую категорию. Значит, становится предметом изучения экономической теории.

Согласно Ф. Блоку в старой парадигме рассматривались пять моделей экономической роли государства. Это – государство общественных благ (public goods state); государство макроэкономической стабилизации (macroeconomic stabilization state); государство социальных прав (social right state); государство развития (developmental state); социалистическое государство (Блок, 2004, с. 571–577). Правда, последнее государство, добавляет Ф. Блок, оказалось очень сильным государством, и его хозяйственная деятельность превращает социалистическое государство в «крайний случай государства развития». Здесь надо уточнить, что термин «социалистическое государство» неточен, ибо социализма как такового нигде еще не было. Советское государство, как и в других восточно-европейских странах, было, по сути, социальным государством. Конечно, можно согласиться с Ф. Блоком, что все эти модели или их некоторые черты в той или иной мере были присущи государству на всех стадиях развития экономики и общества. Поэтому трудно эти модели рассматривать как ключевые характеристики современного государства. Но объем и значение этих характеристик по мере развития общества и эволюции государства существенно менялся.

Все дело в развитии общества и эволюции государства. Некоторые американские экономисты об этом писали еще в 40-х гг. прошлого века. Государство сегодня становится активным экономическим субъектом. Таким образом, происходит переплетение: экономика все больше подпадает под влияние государства (идет, так сказать, огосударствление экономики), а государство все глубже погружается в экономику. «Экономическая система, — замечает Хабермас, — лишилась своей функциональной автономии по отношению к государству» (Хабермас, 2010, с. 155). Это понимание все чаще проникает в массовые учебники. Так, П. Самуэльсон и В. Нордхаус специально указывают: «Государство решает три основные экономические задачи: способствует повышению эффективности, обеспечению справедливости и макроэкономической стабильности и осуществлению экономического роста» (Самуэльсон, Нордхаус, 2005, с. 54). Иными словами, рынок сам по себе без государства не в состоянии ни обеспечить экономический рост, ни макроэкономическую стабильность, ни повысить эффективность. Что-то меняется в самой экономике, и это ставит новые задачи перед экономической теорией.

2. Либеральное государство и парадигмальный индивидуализм

Вообще говоря, о государстве в строгом смысле этого слова можно говорить только после буржуазных революций, формировании капитализма и зарождения гражданского общества. С конца XVII века, пишут современные исследователи этого вопроса, «принято говорить о современном государстве, под которым понимается обычно некое политическое образование, возникшее в Европе после Ренессанса и Реформации» (Соколова, Спиридонова, 2003, с. 24–25). Государство в таком понимании есть политическая форма существования буржуазного общества, обеспечивающая господство частной собственности и индивидуального интереса, т.е. «либерального капитализма» (Хабермас, 2010). В этих условиях в центре экономического, и стало быть политического, процесса оказывается индивид и индивидуальные интересы, совокупность и пересечение которых обеспечивает коллективное экономическое действие. В экономической теории получает господство методологический индивидуализм. «Поскольку поведение индивида находится в центре нашей модели, — пишет Дж. Бьюкенен, — то развиваемая нами «теория» может быть наилучшим образом классифицирована как *методологический* индивидуализм» (Бьюкенен, 1997, с. 39). Давным-давно ограниченность этой позиции была замечена в научной литературе. Анри Мишель писал по этому вопросу: «В глазах либералов индивидуализм является, по существу своему, доктриной, отвергающей и осуждающей всякое вмешательство государства, за исключением одной только области, где они пожелали признать его: в области покровительства свободе и реальным, уже приобретенным правам» (Мишель, 1909, с. 460). Хотя в те далекие времена частная собственность, права частного человека, индивида являлись шагом вперед по сравнению с феодальной зависимостью от сюзерена. Методологический индивидуализм для XVIII века был весьма прогрессивной теоретической конструкцией. Можно даже сказать, что классическая политическая экономия базировалась на концепции методологического индивидуализма. Действительно, для либерального буржуазного государства методологический индивидуализм — необходимый теоретический, и даже идеологический, постулат. В дальнейшем тексте эта концепция подвергается сомнению,

ибо современное общество и государство давно выросло из детских штанишек индивидуализма и примитивно понятого либерализма. Приведем в этой связи слова К. Поппера: «Либерализм и вмешательство государства не противоречат друг другу — напротив, свобода, очевидно, невозможна, если ее не гарантирует государство» (Поппер, Т. 1, 1992, с. 150). Но это совсем не значит, что надо подавлять индивидуализм (т.е. свободу личности) как таковой, а следует находить гармонию индивидуальных и общественных интересов.

Итак, методологический индивидуализм, который важен для понимания государства и его новой роли. В концепции австрийской школы методологический индивидуализм «исходит из представления об отдельных людях как о завершенных социальных единицах и рассматривает институты как непреднамеренный результат действий людей, стремящихся решать свои проблемы в условиях ограниченности знания» (Кубедду, 2014, с. 129). Иными словами, институты должны возникать сами собой как стихийная (спонтанная) форма объединения людей для достижения каких-либо целей. Но так делают звери, бессознательно сбиваясь в стаю для своего жизнеобеспечения. Люди же наделены волей и сознанием и образуют институты с достаточным пониманием этой необходимости. Еще Карл Менгер, которого представители австрийской экономической школы почитают как своего прародителя, писал: «Существует ряд социальных явлений, которые суть продукты соглашения членов общества или положительного законодательства, результаты целесообразной совокупной деятельности общества, рассматриваемого в качестве особенного действующего субъекта, социальные явления, в отношении которых не может быть и речи об «органическом» происхождении в каком бы то ни было смысле». И дальше: «Как же могут возникать институты, служащие для общественного благополучия и чрезвычайно важные для его развития без общей воли, направленной к их установлению?» (Менгер, 2005, с. 403–404). Этот тезис К. Менгера об «общей воли» намного умней и глубже, чем «непреднамеренный результат действия людей». Ибо институты в обществе возникают как осознанная необходимость совместного бытия путем сложного согласования индивидуальных волей в общую. Экономический индивидуализм есть основа либерального капитализма, но и здесь он ограничен государством.

«Необходимо отказаться, — пишет А.Я. Рубинштейн, — от абсолютизации методологического индивидуализма и воспользоваться принципом комплементарности полезностей, допустив существование интереса общества, несводимого к интересам индивидуумов» (Рубинштейн, 2010, с. 155). Главное в этой трансформации состоит в том, что государство из политической формы перерождается в своеобразного экономического агента. Государство действительно сегодня погрузилось в экономику, и это свидетельствует не об его отмирании, а, наоборот, о его разбухании. Однако экономические функции государства состоят не столько в извлечении прибыли из менового процесса, а в сколько в стабильном и благополучном развитии общества, т.е. достижении интегральной общественной полезности. В том числе и в обеспечении условий стабильности извлечения прибыли. «Интервенционистское государство, в отличие от либерального, вовлечено в процесс воспроизводства; поэтому оно не только обеспечивает общие условия производства, но и само становится своеобразным исполнительным органом закона стоимости» (Хабермас, 2010, с. 88). Но при этом меняется и само содержание стоимости. Современное государство не отменяет отношения стоимости, но трансформирует их самым существенным образом.

3. Рост полномочий государства — мировой тренд

Итак, почти всеми признается очевидный факт роста объема, значения и влияния государства в современной экономике. Это признают даже американские консерваторы, тугие на современные мнения. Сегодняшний либерал-консерватор Р. Хиггс пишет: «Конец XIX и весь XX век были периодом беспрецедентного роста полномочий государства, находящихся в его распоряжении ресурсов и масштабов его вмешательства в экономическую и частную жизнь граждан» (Хиггс, 2016, с. 9). И еще такой вывод: «Даже простое перечисление многочисленных полномочий государства займет несколько томов, потому что его влияние затрагивает все: фермы, заводы и магазины; жилища, школы и больницы; науку и технологии; и даже отдых и развлечения» (Там же, с. 24). А вот что пишет другой американский экономист Ч. Уилэн: «Федеральное правительство ежегодно издает тысячи страниц правил, регулирующих все —

от загрязнения подземных вод до проверки куриного поголовья... Я живу в историческом квартале, где на любое изменение внешнего вида наших домов, от цвета новых окон до размеров цветочного горшка, надо получать разрешение комитета по архитектуре» (Уилэн, 2005. с. 69). В другом месте Уилэн пишет: «Министерство сельского хозяйства США в настоящее время требует, чтобы каждая замороженная мясная пицца содержала по меньшей мере 10% мяса (Там же, с. 309). В этом месте следует остановиться и спросить, где же знаменитая рыночная экономика США. Ведь в любом стандартном учебнике «Экономикс» сказано, что спрос определяет предложение. И если производитель пиццы выносит на рынок продукт с меньшим количеством мяса или хуже качеством, то потребитель выбирает продукцию других производителей. И само собой первый производитель с продуктом ухудшенного качества в итоге должен будет закрыть свое производство. Так действует невидимая рука рыночной экономики, когда экономическое развитие происходит спонтанным путем без какого-либо внешнего вмешательства. Так думают либеральные экономисты и так они пишут в своих учебниках. Но если Министерство сельского хозяйства США устанавливает нормативы на производство пиццы, значит, с рыночной экономикой в США что-то не так.

Возможно, конкретное требование на количество мяса в пицце несколько странное, но вообще-то на продукты питания должны быть государственные стандарты по качеству, гигиены и здоровья потребителей. Ждать, пока естественным путем перемрет изрядное число потребителей некачественных продуктов питания и до остальной части населения дойдет вред приобретения этих продуктов и оно отвернется от таких производителей, слишком опасно. Рыночный механизм, конечно, тут сработает, но на это уйдет слишком много времени и общество может потерять слишком много людей. Да и потом для исправления ситуации должно будет вмешиваться государство. Лучше все это делать заранее и следовать государственным стандартам. Так делается в современных цивилизованных обществах. Итак, делает вывод Дж. Стиглиц, «то, что мы едим и пьем, регулируется государством; где нам жить и в каком типе домов мы можем жить, регулируется различными государственными службами» (Стиглиц, 1997, с. 11). Сегодня, пишет далее

Р. Хиггс, в США насчитывается более 80 тыс. отдельных органов власти, и из них более 60 тыс. наделены полномочиями вводить налоги и сборы (Хиггс, 2016, с. 29). Это американские либералы спохватились сегодня. Но о росте государства писали давно и многие.

Итак, рост государства, и прежде всего рост объема его экономической деятельности, очевидный факт. Вопрос в том, почему это происходит. На наш взгляд, основная объективная причина состоит в развитии более сложного производства и усложнения технологий, в переходе к новому технологическому укладу, что отражается в трансформации экономической организации общества.

Именно экономическая организация наполняет содержанием все остальные формы человеческого общежития, в том числе и государство. Так, К. Поппер подчеркивает безусловную верность утверждения К. Маркса, что «экономическая организация общества, организация нашего обмена веществ с природой, является фундаментальной для всех социальных институтов, особенно для их исторического развития» (Поппер, т. 2, 1992, с. 126). А современное производство на место индивидуального производителя ставит сложную кооперацию многих производителей и их объединений. Новая технология кладет конец экономическому индивидуализму и либеральному капитализму. Обобществление производства, о чем много писали еще советские экономисты, стало сегодня очевидным и совершенно бесспорным фактом.

ЭВОЛЮЦИЯ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВА

1. Модель регулирующего государства

Классический либерализм (Дж. Локк, И. Бентам, А. Смит, Д. Рикардо, Дж.С. Миль) отвергали всякое вмешательство государства в экономику. Вместе с тем зачатки признания за государством его объективной роли в качестве регулятора в экономике имеются уже у И. Бентама (Бентам, 1896, Атаян, 2011). Так, признавая в качестве важнейшей публичной пользы и универсального интереса безопасность, он допускал и обосновывал вмешательство государства в сферу частной собственности и ее использования в следующих обстоятельствах: 1) общие государственные нужды для защиты государства от внешних врагов; 2) общие государственные нужды для защиты государства от внутренних врагов; 3) общие государственные нужды для устранения физических бедствий; 4) пени с нарушителей безопасности как наказание или как средство к вознаграждению пострадавших; 5) отнятие у частных лиц части их собственности для образования средств противодействия вышеперечисленным бедствиям через устройство судов, полиции, войска; 6) ограничение прав собственности, или ограничение пользования собственностью, с целью воспрепятствовать собственнику вредить другим или самому себе.

Непредвзятый анализ взглядов и идей И. Бентама свидетельствует о невозможности исключения государства из сферы регулирования общественных, в том числе экономических, отношений прежде всего по критерию обеспечения безопасности общественных отношений.

В исторической практике государственное регулирование стало реально складываться еще в эпоху классического экономического либерализма. Примером здесь является развитие фабрично-заводского, и в целом буржуазного, законодательства по охране труда, сформировавшегося в XIX столетии и неразрывно связанного с установлением фабричной системы капиталистического способа производства.

Буржуазное законодательства по охране труда возникло и сформировалось в XIX в. Его появление неразрывно связано с установлением фабричной системы капиталистического способа производства. Возникнув в 1-й трети XIX в. в Англии, фабричное законодательство в течение столетия, особенно в 70–90-е гг., распространилось и в других странах. Определяющее влияние на законодательное регулирование условий труда оказала борьба рабочего класса, понимание политическими и экономическими классами необходимости общественной пользы и общественного интереса в нейтрализации угроз расширенному воспроизводству капитала и социальной стабильности, устранении непримиримых классовых антагонизмов демократическими и парламентскими методами.

В процессе развития вширь и вглубь фабричное законодательство становилось частью более широкого буржуазного трудового законодательства, распространяясь на всех лиц наемного труда, независимо от места их работы. Оно включало в себя новые аспекты охраны наемного труда (вопросы его оплаты, ограждения от произвольных штрафов. — Закон о штрафах 1886 г. в России, материальной ответственности предпринимателя за увечья рабочих на производстве, частичного страхования (например, законы, принятые в Германии в 80-х гг.), обеспечения инвалидов труда и семейств погибших на производстве в результате несчастного случая, материального обеспечения рабочих по безработице, а также предоставления рабочим прав отстаивать свои интересы, — права на коалиции и стачки (в Англии начало этому было положено еще в 1824 г., во Франции — в 1864 и 1884 г.). В дальнейшем *модель регулирующего государства* в значительной степени модифицировалась в связи с перерастанием капитализма свободной конкуренции в монополистический капитализм, созданием антитрестовского законодательства и институтов антимонопольного регулирования.

В конце XIX в. экономическая и социальная власть, сосредоточенная в руках монополистических групп, усилилась настолько, что либеральное государство уже не отвечало потребностям социально-экономического развития. Невмешательство (в той мере, в какой оно было реальным) государства в сферу экономики и гражданского общества стало оборачиваться против свободной конкуренции и господства права, характерного для рыночной экономики. Вмешательство государства становится объективной потребностью в интересах общества, его основных классов. Возникает такой мощный институт, как антимонопольное законодательство. Развивается акционерное право.

В XX веке эта экономическая модель государства претерпела существенные изменения. Спусковым крючком послужила Великая депрессия на Западе, социалистическая революция и опыт развития плановой экономики на Востоке. Рубежный этап эволюции модели регулирующего государства — *кейнсианская революция*. В кейнсианском варианте эта модель стала воплощением необходимости системного макроэкономического анализа и планирования в интересах стимулирования экономического роста, поддержания макроэкономической стабильности и антициклического регулирования. Иными словами, она была ответом прежде всего на провалы рынка.

2. Социальное государство

Определенной разновидностью модели регулирующего государства является социальное государство¹. Исходным критерием и основной идеей выделения этой особой модели было на тот момент распространение патерналистской активности государства на всех членов общества независимо от их социальной принадлежности. Социальное государство стало очередной ступенью развития методов государственной активности. При этом объективные причины его возникновения связаны с изменением роли человека на производстве, когда ведущее отношение «государство — личность» пришло на смену отношению «государство — общество». Идеи

1. Понятие «социальное государство» было введено в науку Лоренцом фон Штайном (Stein L. von. 1842; 1850; 1865–1868; 1876.)

социального государства получили широкое признание во многих странах, что нашло отражение в конституциях этих государств и имеет фундаментальное научное обоснование (Кейнс, Бевериджа, Эрхард, Пигу, Мюрдаль, Боуддинг и др.) (Роик, 2012, с. 95; Роик, 2006, с. 27).

Элементы социального государства в США закладывались при проведении Нового курса Ф.Д. Рузвельта в 30-е годы прошлого столетия. В Великобритании значительным событием стал доклад У. Бевериджа в парламенте (1942 г.), где говорилось о принципах «государства благосостояния» (Welfare State). Термин «государство благосостояния» употреблялся как совпадающий в основном с понятием «социальное государство». Стали говорить о модели социальной защиты Бевериджа. Модель Бевериджа предполагает распределение ответственности между государством (базовые гарантии соцзащиты для всего населения с ориентацией на прожиточный минимум), работодателем (страхование наемных работников с их частичным участием) и работником (дополнительное личное страхование). На основании доклада правительство Великобритании в 1944 г. начало реформу системы социального страхования. К 1952 г. были введены в действие законы о государственной службе здравоохранения, программы страхования в связи с несчастными случаями на производстве, пенсионного страхования (Роик, 2006, с. 27). После Второй мировой войны в Европе наблюдался всплеск симпатий к идеалу социального государства, под которым понимался умеренный демократический социализм. Европейское социальное государство тех лет характеризуется приходом социал-демократов к власти и национализацией здравоохранения, транспорта, энергетики, тяжелой и добывающей промышленности.

Среди современных примеров реализации идеала социального государства обычно приводят страны Скандинавского полуострова (т. е. шведская модель), Финляндию, Нидерланды, Канаду, Швейцарию, Германию, Бельгию, а также иногда Великобританию, Францию, Австрию, Новую Зеландию, Австралию, США, Италию, Грецию, Португалию, Японию, Польшу, Чехию, Словакию, Венгрию, Эстонию, Литву, Латвию, страны Персидского залива, Ливию и другие страны. Многообразие различных моделей социальных государств достаточно велико. Наряду с общими закономерностями

каждый тип социального государства имеет свои национальные особенности. В мире известно два принципа построения социального государства. Государство благосостояния гарантирует средние социальные стандарты (в пенсиях, медобслуживании, образовании), но для всех. Либеральное общество гарантирует только минимальные стандарты и потому беспокоится только о самой уязвимой категории граждан. Соответственно строятся и модели социального государства.

В основе *либеральной, или англосаксонской, модели* социального государства лежит индивидуальный принцип, который предполагает личную ответственность каждого члена общества за свою судьбу и судьбу своей семьи. Роль государства в этой модели минимизирована. Оно, с одной стороны, берет на себя ответственность лишь за сохранение минимальных доходов всех граждан и за относительное благополучие слабых и обездоленных слоев населения. Но, с другой стороны, максимально стимулируется создание и развитие в обществе различных форм негосударственного социального страхования и социальной поддержки, а также различных средств и способов получения и повышения гражданами своих доходов. Подобная модель социального государства присуща США, Англии, Ирландии.

Скандинавская, или социал-демократическая, модель (пример — Швеция) предоставляет базисное обеспечение всем гражданам и финансируется за счет налогов, которые платят все граждане без исключения, в том числе и король. Важнейшие признаки этой модели — универсализм и перераспределение доходов с помощью налоговой прогрессии. Она нацелена на борьбу с бедностью и обеспечение достойного жизненного стандарта всем гражданам — при условии, что те участвуют в системе занятости.

Континентально-европейское социальное государство (пример — Германия) сочетает борьбу против бедности с обеспечением достойного уровня жизни всем гражданам. Система социального страхования строится по методу долевого отчисления взносов работающими и работодателями. Государство же вместе с социальными партнерами регулирует рынок труда, сокращая безработицу.

Существует и такая модель социального государства, как *корпоративная*. В ее основе лежит корпоративный принцип,

который предполагает максимум ответственности корпорации (предприятия, учреждения) за судьбу своих работников. Создавая систему пожизненного найма, предприятие стимулирует работников к внесению максимального трудового вклада, за что предлагает ему различные виды социальных гарантий в виде пенсионного обеспечения, частичной оплаты медицинских услуг и образования. Финансовой основой данной модели социального государства являются в первую очередь страховые взносы корпораций. Классическим представителем корпоративной модели социального государства является Япония (Хома, 2013). Кризис идей социального государства, а по большому счету, и модели регулирующего государства в целом, пришелся на конец 1970-х — начало 1980-х гг., когда возобладали идеи и практическая политика неоконсервативной революции, тэтчеризм и рейганомика. Глубинными причинами этого тренда стали разрастание и бюрократизация государственного аппарата, критическое нарастание социального пузыря, — расходов государственных бюджетов на социальные нужды, — которые не просто стимулировали рост налоговой нагрузки на государство, бизнес, самих граждан, внесли свой вклад в развитие стагфляции, но, в принципе, пришли в объективный конфликт с системой мотивации к труду, экономических и трудовых стимулов к росту производительности.

Решающий вклад в эти процессы внесла глобализации мировой экономики, резко повысившая требования к конкурентоспособности национальных экономик, сузила степень свободы национальных правительств, ограничила суверенитеты государства в целом ряде сфер экономической политики и государственного управления, в значительной степени унифицировала нормы правового регулирования и в ряде случаев сделала фактом примат международной нормы над национальной.

Есть и еще одна фундаментальная причина кризиса регулирующей модели государства. В условиях новых исторических вызовов патерналистское государство продолжало по-прежнему ориентироваться по преимуществу, на устранение провалов рынка, утрачивая постепенно способность определять общие интересы, формулировать установки развития, что и предопределило реальные угрозы потери общественного благосостояния.

Глобальный кризис не внес каких-либо кардинальных изменений в модель регулирующего государства как таковую, способствуя лишь смягчению в ряде случаев рыночной ортодоксии, отходу, в силу чрезвычайных обстоятельств, от стандартных методов монетаристского подхода к экономическому регулированию. Может быть, именно поэтому нет уверенности в том, что ведущие экономики мира, и в целом глобальная экономика, окончательно вышли из кризиса, что действующая модель регулирующего государства может задать такие установки, которые не просто обеспечивают проведение эффективной антикризисной, шире – антициклической, политики, но дает возможность определить цели и приоритеты развития в условиях наблюдаемой смены моделей международного экономического и политического порядка, глобализации, геополитической картины мира, балансов сил и интересов.

3. Планирующие системы

Теория планирующих систем Дж. Гэлбрейта явилась подлинной научной революцией. В ставшей знаменитой книге «Новое индустриальное общество» он выдвигает концепцию индустриального общества, где определяющей характеристикой социума становится понятие «индустриальная система». Гэлбрейт вводит в научный оборот такие понятия, как «техноструктура», «зрелая корпорация». Он обосновывает положение о том, что в современных крупных корпорациях управление переходит от отдельных лиц к техноструктуре – группе людей, претендующих на профессиональное знание в сфере образования и понимания всех сторон развития и деятельности корпорации. Основной целью такой деятельности становится уже не получение максимальной прибыли, а высокий темп производства, что естественно соответствует интересам общества.

Характерными особенностями нового индустриального общества становятся активная роль государства, планирование как регулярный институт управления индустриальными системами в системе государственного регулирования, более того, формируется институт постоянного диалога и партнерства власти и бизнеса, который в том числе реализуется через систему правительствен-

ных заказов, стимулирующих, как теперь говорят, загоризонтные направления технологического прогресса.

В этом смысле развитие экономической мысли в лице Дж. Гэлбрейта еще идет в русле модели регулирующего государства. Но оно уже выходит за пределы этой модели потому, что такой тип планирования уже наиболее близко подходит к политической версии определения общего интереса, прощупыванию контуров будущего, определения установок и приоритетов развития в интересах планирующих систем (как корпораций, так и государства). В этой схеме государство становится предтечей и прообразом так называемого *государства развития*.

Теория индустриального общества в лице его многочисленных научных школ и направлений (технологического общества, конвергенции обществ, электронного общества, цивилизации третьей волны, технотронной эры и др.) дала мощный толчок развитию институциональной теории в экономике. «Новое индустриальное общество» Джона Гэлбрейта нашло продолжение в идеях Дэниела Белла о «постиндустриальном обществе» и Элвина Тоффлера о «сверхиндустриальной цивилизации».

Дж. Гэлбрейт убедительно обосновал, почему промышленное планирование становится осознанной необходимостью для предприятия. Планирование существует потому, что хорошо изученный и описанный механизм рынка перестал быть надежным. Развитие техники и сопутствующий ему *характер использования времени и капитала* привели к тому, что запросы потребителя должны быть определены заранее — на месяцы, и даже годы, вперед. То же приходится осуществлять и в отношении всех моментов, связанных с организацией производства и сбыта соответствующих товаров, для удовлетворения запросов потребителя. Фирма самим ходом вещей вынуждена ставить на место рынка планирование.

По мере увеличения продолжительности процесса производства и потребности в капитале для компании становится все более рискованным полагаться на неконтролируемые колебания покупательского спроса, и чем сложнее становится технология производства того или иного продукта, тем риск больше. С точки зрения промышленной компании планирование заключается в том, чтобы предусмотреть действия, которые нужно предпринять в период

от начала процесса производства до его завершения, и подготовиться к выполнению этих действий. Оно заключается также в том, чтобы предвидеть любые неожиданности, которые могут возникнуть по ходу дела, и иметь возможность справиться с ними. С точки зрения экономиста, специалистов в области управления, политических наук, планирование заключается в том, чтобы заменить стихийные цены и рынок авторитетным управленческим решением, устанавливающим, что будет произведено и потреблено и по каким ценам. Таким образом, термин «планирование» употребляется Гэлбрейтом в двояком смысле.

На практике, однако, эти два вида планирования, если их можно так назвать, тесным образом связаны друг с другом. Фирма не может с пользой для дела предусмотреть и спланировать будущие действия или подготовиться к непредвиденным обстоятельствам, если она не знает, каковы будут цены на ее продукцию, объем ее продаж, издержки, включая расходы на рабочую силу и капитал, и что она сможет получить при таком уровне расходов. Если рынок ненадежен, фирма всего этого не знает, а следовательно, она не может планировать. А поскольку с развитием техники и связанной с ним специализации рынок становится все более ненадежным, промышленное планирование еще в большей мере станет невозможным, если только рынок не уступит место планированию. То, что фирма считает планированием, в немалой мере заключается в стремлении свести к минимуму влияние рынка или избавиться от него.

Развивая кейнсианские традиции, Гэлбрейт по-новому поставил проблемы регулирования сбережений, их взаимосвязи с инвестициями, а также с циклическими колебаниями предложения капитала, характером циклического движения производства. В этой сфере также, особенно на фоне достижений планового хозяйства того времени, рыночные механизмы не справлялись с долгосрочными, стратегическими инвестиционными проблемами корпоративной экономики. И здесь на смену рынку, как считал ученый, приходят системы промышленного планирования. Оно укореняется в практике управления крупными корпорациями, оно, распространяясь по всему сектору крупных и крупнейших корпораций, образует своеобразный сектор планирующих систем, которые, так или иначе, взаимодействуют друг с другом.

Планирование осуществляется также государством, оно не менее тесно взаимодействует с планирующими системами корпораций. И эти процессы приводят к тому, что планирование формируется как важнейший *системообразующий элемент национальных систем государственного регулирования*. Индустриальная система действительно неразрывно связана с государством. Развитая корпорация в наиболее важных отношениях является орудием государства. А в важных делах государство выступает как орудие индустриальной системы. Дж. Гэлбрейт развеял либеральные и консервативные предубеждения о том, что любое сотрудничество государства и частных организаций есть *аномалия и социализм*. Он доказывал, что сложившаяся в индустриальной системе планирующая система есть факт и результат прежде всего объективного индустриального развития, господства крупных корпораций и объективного существования проблем, которые традиционные механизмы рынка решить не в состоянии. Важно то, что одним из конституирующих признаков этой системы является то, что в ней вырабатываются механизмы согласования целей и интересов государства и технотрактуры. По важнейшим вопросам стратегического развития цели и приоритеты всех сторон национального альянса, участников планирующей системы совпадают.

4. Государство развития

Начиная с 50-х годов XX столетия возникла и успешно развивалась новая разновидность патерналистского государства — *модель государства развития (развивающего государства)*. Она связана со второй и последующими волнами модернизации в так называемых новых индустриальных странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, в последнее двадцатилетие в Китае и Вьетнаме, в ареалах так называемой исламской модернизации (Турция, Иран, Малайзия, Индонезия), созвучного им опыта некоторых постсоветских стран (Азербайджан, Казахстан, Узбекистан), и, конечно, в странах БРИКС. Уникален опыт Израиля. В ходе реализации этих модернизационных проектов сформировались соответствующие институты, формы партнерства власти, бизнеса,

общества, которые, собственно, и получили отражение в *модели государства развития*².

В этих странах, как указывает Ч. Джонсон, «государство замещает собой общество и легитимируется посредством политического проекта, такого как социальная революция или экономическое развитие», а главное способностью содействовать и поддерживать развитие (*Johnson, 1982, p. 68*). Характерно, что Д. Хэйли определяет государственное вмешательство в рамках данной модели государства как «тоталитарное по характеру с неограниченным административным усмотрением» (*Haley, 1995, p. 154*). Успех экономической политики в восточноазиатских государствах базируется на «их способности противостоять эгоистичным деструктивным частным группам и заботиться о национальном интересе», а также в применении мер по содействию и поощрению вместо запретов и ограничений (*Streeten, 1996, p. 36*).

В целом же Р. Вэйд (*Wade, 1990*) выделяет три главные характеристики государства развития:

- наличие автономных центральных ведомств, предназначенных для формирования и воплощения в жизнь экономической политики;
- отличительная индустриальная политика навстречу экспортно-ориентированной глобальной промышленности;
- значительная роль государства в обеспечении экономического развития и безопасности.

Основы развивающего государства в его классическом варианте закладывались еще в послевоенной Японии. Наиболее характерные черты и проблемы государства развития давно стали объектом теоретического дискурса как ученых в Восточной Азии (Ю. Миканаги, Т. Танасе, К. Джаясурия), так и западных исследователей (Д. Хэйли, Ч. Джонсона, С. Пекканен, Ч. Макмиллана, С. Любмена, Д. Виллера, П. Поттера, К. Гудмана). Причем этот опыт воспринимается неоднозначно: одни отмечают наступление так называемого «Азиатского столетия» и выходе на историческую

2. Термин «государство развития» был предложен Чалмерсом Джонсоном и отражает теорию, согласно которой крушение рынка является убедительным основанием и «оправданием для правительства, чтобы руководить рынком решающим образом» (*Johnson, 1982, 1995*).

сцену новых «лидеров глобальной повестки дня» (*Report on the World Economic Forum*, 2008). Другие предпочитают обращать внимание на «бюрократические рыночные экономики» в странах «азиатской модели»» (*Pitman*, 2001; *Huang*, ed., 2001), молчаливо предполагая, что модель государства развития ожидает та же участь, что и модели регулирующего государства. Можно предположить, что опыт азиатских стран с использованием модели государства развития сегодня актуален для стран Запада, где модель регулирующего государства входит в полосу исчерпания своих возможностей, и тем более для России, где попытки использования неолиберальных моделей вчерашнего дня провоцируют череду экономических неудач.

В кратком виде можно выделить ряд характерных компонентов государственного капитализма азиатского образца.

- **Политическая стабильность** обеспечивается благодаря просвещенной авторитарной власти, постепенной демократизации, преемственности общего курса.
- **Национализм**, составляющий идеологию многих азиатских государств, ориентированный на перемены и использование внешних ресурсов в интересах народного хозяйства.
- **Экономический динамизм** достигается путем сочетания рынка с государственным регулированием и стимулированием ведущих промышленных концернов. Капитал встроен в планы развития и лоялен государству. Банки очень активны, причем объемы доступных кредитов производству много превышают потребительское кредитование (в отличие от России).

Существуют и некоторые другие общие черты: в структуре экономики заметна повышенная по сравнению со среднемировым уровнем доля накопления и промышленности в ВВП. Не менее важная черта — выборочное заимствование зарубежного опыта, дозированная открытость, успешный синтез своего и чужого. Обновление при этом в растущей мере опирается на собственный потенциал, что, помимо прочего, доказано и сравнительно успешным преодолением всей этой группой стран кризисных явлений 2008–2009 годов.

Активно привлекая зарубежных инвесторов, страны государственного капитализма добились и наибольших успехов в выбо-

Таблица. Отличия успешных незападных моделей государственного капитализма и государства развития

Смысл азиатских моделей государственного капитализма	Симбиоз творческих сил частной инициативы, частного интереса, экономической свободы и целенаправленного строительства современных государств в интересах устойчивого роста благосостояния граждан и улучшения внешнеэкономических и международных позиций этих государств
Компоненты опыта государственного капитализма азиатского образца	Институты и механизмы реализации
Политическая стабильность	Просвещенная авторитарная власть, эволюционная поэтапная демократизация, преемственность общего курса
Высокая политическая готовность общества и элит к историческим переменам, Нацеленность на использование внутренних и внешних ресурсов в интересах национального развития	Опора на приоритетные ценности национальной идеи, национального суверенитета, национальной идентичности, в сумме – национализм, составляющий идеологию многих азиатских государств
Экономический динамизм и устойчивое развитие	Сочетание рынка с государственным регулированием и стимулированием ведущих промышленных концернов. Встроенность капитала в государственные планы (программы) развития, развитые и эффективные формы партнерства власти и бизнеса. Высокая активность финансовых институтов, причем объемы доступных кредитов производству значительно превышают потребительское кредитование

рочном и потому результативном привлечении прямых инвестиций. Такие капиталы, направляемые преимущественно в реальный сектор, как известно, склонны прилипать к местной экономике и не склонны покидать страну размещения при неблагоприятных колебаниях конъюнктуры, в отличие от чересчур мобильных средств спекулятивных капиталов. Поэтому-то, считает А. Салицкий, в еще неокрепших рыночных экономиках не стоит делать ставку на финансовые рынки, а развивать их вслед за нормальным кредитованием хозяйства (а не вместо него).

Можно предположить, что опыт азиатских стран с использованием модели развивающегося государства сегодня очень актуален для стран Запада, где модель регулирующего государства входит в полосу исчерпания своих возможностей, и тем более для России, где попытки использования неолиберальных моделей вчерашнего дня сдерживают экономический рост, реструктуризацию экономики, провоцирует реальные угрозы торможения необходимых реформ и окончательное поражение модернизационного проекта.

Государство развития означает достижение экономического роста, изменяющего жизнь страны, через вмешательство, активизацию роли государства на рынке и в производстве. Оно подразумевает государственную политику ускоренного выработки индустрии, стимулирования сильной индустриальной экономики. Государство развития соединено с индустриальным протекционизмом, возвращением новых видов промышленности, инновационного производства, защитой и поддержкой инновационного предпринимательства на стадии формирования, с содействием отраслям, выделяющимся ярко выраженной тенденцией к технологической компетентности и перевооружению. Оно предполагает ограничение конкуренции, производящее индустриальную ренту, распределяющуюся между предпринимателями, рабочими и государством. Оно осуществляет расходы на инфраструктурное строительство, привлекающее инвесторов. Его формирование связано и с творческим заимствованием технически передовых видов деятельности, привлечением иностранных специалистов, организацией системы образования и воспитания, нацеленной на усвоение и совершенствование инновационного технического знания.

Государство развития гарантирует инновационную среду, а также выстраивает производственно-технологические цепочки, осуществляет координацию промышленного роста, обеспечивает синергетическое взаимодействие между наукой и предприятиями. Государство развития – это и своевременное свертывание некоторых элементов командно-бюрократического регулирования, поощрение перехода к более свободной игре рыночных сил при условии созревания мощных промышленных систем. Очевидно, государство развития немыслимо без национальной бюрократии, разделяющей цели общественной жизни. Оно поддерживается духом творческого соревнования, экономическо-технологической гонки, что невозможно без широкого утверждения патриотических ценностей.

ГОСУДАРСТВО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

1. Государство и расширение экономики

Обычно в научном анализе общества и общественного устройства выделяют несколько сфер. Прежде всего это, конечно, экономическая сфера. В классической марксистской парадигме экономическая сфера принималась за базис общественного устройства, который порождал соответствующую надстройку. В этих условиях было естественным культуру рассматривать вообще за рамками экономики, а образование вводить в экономическую систему общества как сферу подготовки квалифицированных кадров для производства материальных продуктов. В начале индустриальной эпохи человек рассматривался как придаток машинного производства и должен был иметь соответствующую специальность и квалификацию. И это было понятно и оправдано для условий развития материального производства и необходимости насыщения общества материальными благами. Это было характерно для периода становления и развития капитализма, но это не значит, что так должно быть всегда. Человек и все человеческое не может, не должно сводиться к коммерческой выгоде, к погоне за прибылью. Человека нельзя рассматривать в качестве элемента рыночного механизма. В конце концов, не человек для рынка, а рынок для человека. Следовательно, и образование человека не есть рыночный процесс извлечения прибыли. Культура же никогда, кроме ярмарочных балаганов, не рассматривалась как отрасль рыночной экономики. Как пишет современный

исследователь, «конкурентные отношения в рыночном понимании в сфере культуры невозможны» (*Музычук*, с. 24).

Так как государство сегодня погрузилось в экономику, то культура и образование, которые всегда были под патернализмом государства, превратились в отрасли экономики. И в этой связи вполне можно говорить о «создании специальной экономической теории культурной деятельности» (*Гринберг, Рубинштейн*, 2013, с. 17). Но при этом сама экономика приобрела новое качество. «Необходимость, — пишет В.Ю. Музычук, — выделения культуры, науки, образования в отдельный, так называемый гуманитарный, сектор экономики обусловлена наличием общих «родовых» черт, не позволяющих этим отраслям функционировать в условиях рыночного механизма хозяйствования без патерналистской опеки государства. Высокая социальная полезность входит в противоречие с эффективностью бизнес-моделей, по которым оценивается их деятельность» (*Музычук*, с. 6). В этих условиях и образование можно рассматривать как часть экономической системы. Хотя, как подчеркивает Н.Г. Яковлева, «образование — это больше чем экономика» (*Яковлева*, с. 100).

Итак, государство уже довольно глубоко погрузилось в экономику и в каком-то смысле становится даже его демиургом. И очевидно, что это объективный и неизбежный процесс. Но нет однозначного ответа на вопрос, хорошо это или это плохо. Если рост государства сопровождается рациональными установками (например, обязательные для всех правила орфографии или правила уличного движения), то это, видимо, хорошо. Если же государственные установки переходят рациональные границы, скажем, центральное правительство начинает регулировать куриное поголовье в домашнем хозяйстве или размер цветочных горшков, как это делается в США, то это, безусловно, плохо. Жизнь общества, таким образом, должна основываться на занятиях людей, «не стесняемых ничем, кроме потребностей благоустроенного общежития» (*Спенсер*, 2007, с. 81).

Как известно, классическая политическая экономия изучала и объясняла рыночную экономику, отношения между людьми, прикрытые вещами. Конечно, эти отношения сохраняются и в современной экономике. Но основные отношения между людьми, которые производят и потребляют вещи (и услуги) регулируют

ются уже не вещами (рыночным обменом вещей), а государством. Государство же в процессе реализации своей регулирующей роли должно руководствоваться не столько максимизацией прибыли, сколько максимизацией общественной полезности, т.е. потребностями благоустроенного общежития. Прибыль и рыночный обмен остаются и продолжают играть важную роль, но цель государственного регулирования иная. Можно даже сказать, что в государственную цель максимизации общественной полезности входит обеспечение максимизации прибыли для индивидуальных производителей. Так что государство не отвергает экономического индивидуализма, но гармонизирует его с общественными интересами.

При этом трансформируется и предмет изучения политической экономики: на первое место в нем выдвигается трактовка и объяснение процессов достижения общественной полезности. В сущности, сама экономика из процесса максимизации прибыли превращается в процесс максимизации общественной полезности. Все это хорошо демонстрирует социальная политика, где максимизация общественной полезности является критерием ее эффективности. И как признает специалист в этом вопросе, «все объективные противоречия теории социальной политики можно преодолеть только в рамках широкого комплексного подхода, который обеспечивает политическая экономия» (Чубарова, 2015, с. 11).

2. Трансформация социально-классовой структуры

Важную роль в эволюции государства играет социально-классовая структура. Современное общество, и западное, и российское, вопреки мнению неоклассической экономической теории, состоит не из отдельно бродящих индивидов, а из определенных социальных групп, слоев, страт или классов. Ведь экономическое поведение каждого человека определяется главным образом под воздействием объективных факторов его жизни, и прежде всего участия в общественном производстве. А в этом производстве люди и объединяются даже помимо своей воли и сознания в определенные классы, группы или слои.

Хорошо и умно прояснял вопрос о необходимости в теоретическом анализе оперировать категорией общественного класса,

а не индивидуумом, еще в начале XX века крупный российский политэконом П.Б. Струве: «Понятие “класс” есть попытка для сложной системы многообразных текучих общественных отношений указать как бы точку кристаллизации, выделить такое единство, какое могло бы мыслиться как верховный субъект и деятель этих отношений. Это вполне законная операция, но необходимо помнить ее границы и смысл» (Струве, 1999, с. 75.). И вот эти социальные слои, группы и классы представляют социальные силы, определявшие динамику либерального капитализма. Речь идет по существу о научном понимании социальной структуры современного общества, т.е. о научном понимании этого общества и его трансформации.

Однако сегодня оперирование только категориями начала прошлого века, думается, недостаточно. Классы и классовое деление общества в большей мере или в более развернутом виде присуще обществу с развитой рыночной экономикой. Классы – это категория либерального буржуазного общества. Классовый подход можно рассматривать как часть или характеристику социальной стратификации как таковой. Социальная стратификация всегда была и есть и по мере развития общества имеет свойство усложняться. Классовое деление возникает лишь на этапе либерального капитализма и имеет свойство когда-нибудь закончиться. Если общество строит классический (либеральный) капитализм, то оно создает и классы с их противоречивыми интересами и противоборством. Если же общество уходит от состояния либерального капитализма, то, собственно, и классовый подход теряет свою актуальность. Угасание частной собственности на средства производства гасит и классовое противостояние и сами классовые отношения. Но это отнюдь не значит, что проблем становится меньше.

Может ли сегодня собственность выступать главным, исчерпывающим критерием социальной стратификации? Вот в чем гвоздь вопроса. Простой факт может ответить на него совершенно отрицательно. Ибо сегодня в развитых странах Запада, да и в любой индустриально развитой стране, 70–90% занятого населения работает по найму, свой основной источник существования имеет в виде заработной платы. То есть подавляющее большинство занятых лишены собственности на средства производства, но при этом они не составляют одного класса или социального слоя. Даже те работ-

ники акционерных компаний, которые в собственности имеют некоторое количество акций своего предприятия и получают по ним некоторый дополнительный доход, также не могут рассматриваться собственниками, ибо их индивидуальный пакет акций незначителен и не играет решающей роли. Собственность в таких компаниях расплывлена среди тысяч мелких держателей акций, и не она определяет экономическое и социальное положение работников.

Мы находимся в динамике перехода от традиционной классовой структуры к новой структуре, которая будет состоять не из классов, а, как я называю, профессионально—функциональных групп, но еще не перешли. Все это обуславливается капитальными изменениями социальной структуры общества и трансформацией экономических интересов. Существенным образом трансформируется социально-классовая структура общества. Классовые отношения теряют политико-конфронтационную форму, политическое заменяется профессиональным. И все это начинает осуществляться благодаря новой роли государства. «Классовые отношения, — пишет Хабермас, — смогли принять неполитическую форму отношений наемного труда и капитала лишь при том условии, что общие предпосылки с охранения капиталистического производства стали обеспечиваться государством. Лишь дополняющие рынок государственные функции, которые не подчиняются механизмам рынка, делают возможным неполитически осуществляемое господство через частное присвоение общественно производимой прибавочной стоимости» (Хабермас, 2010, с. 86). Главная причина трансформации состоит в существенном усложнении производственного процесса, диверсификации материальной базы, что ведет к изменению социальной структуры общества.

Таким образом, политэкономический подход в данном случае (рыночной экономики) будет состоять в том, что внимание будет концентрироваться не на развитии рыночных отношений, а на проблемах государственного регулирования рынка, его ограничений, провалах рынка.

Однако в современном обществе, где государство превратилось в доминирующую силу, элиты превращаются в одну элиту, формирование и функционирование которой обеспечивает государство. Массовым слоем остается средний класс и близкие к нему слои.

При этом формируются слои населения, находящиеся по социальному статусу, доходам и прочему на нижней ступени общества. В современном обществе вместо классового деления и классовой проблемы в распределении социального продукта на первое место выдвигается проблема экономического неравенства, или проблема 1 процента. Основная роль в решении этой проблемы принадлежит государству, с его функциями патернализма. Все это ведет к необходимости формирования и развития социального государства.

3. О новых границах политической экономики

Соответственным образом трансформируются и функции политической экономики. Сглаживаются и межклассовые отношения. Так, расширение среднего класса не только гасит классовые антагонизмы, но и снимает социальную проблему классового общества, разрабатываемую в марксистской парадигме. Еще в начале XX века С.Н. Булгаков замечал, что социальный вопрос составляет главную проблему политической экономики (Булгаков, 1999). Сегодня его содержание существенно меняется. Меняется, но еще не изменилось. Трансформируются фундаментальные основы и рыночной экономики. Возрастание роли государства в распределительных процессах (почти половина ВВП в основных странах распределяется не через рынок), борьба с бедностью и неравенством, огосударствление финансовой сферы принципиально меняют основы рыночной экономики. Конечно, от всего этого проблем становится не меньше, но они уже изучаются в большей мере другими социальными науками. К примеру, фидуциарные деньги – это предмет политической экономики или политологии? То же и в отношении социальных классов, которые, по выражению Ж. Деррида, оказались разрушенными капиталистической современностью.

Однако утверждая, что проблемное поле классической политической экономики истончается, тем не менее надо признать, что оно еще есть и требует политэкономического осмысления. Это относится как к старым проблемам, так и к новым. Например, как понимать и трактовать те же самые фидуциарные деньги, процент за кредит, ренту, распределение и т.п. Например, есть такая проблема, как «поиск ренты» (Kruger, 1974, Таллок, 2011). «Проблема заключается в том, – пишет Таллок, – что колоссальные суммы

денег, похоже, поступают людям, которые не сделали никаких инвестиций для их получения» (Таллок, 2011, с. 144). То есть деньги (богатство) поступают людям не как результат рыночного обмена, а как-то иначе. И, как правило, современное государство в этом процессе играет существенную роль. Это и призвана объяснять новая политическая экономия. Или возьмем проблему материального производства. Известно, что в сфере материального производства занято все меньше и меньше людей. Как-то Р. Дарендорф представил расчет, по которому выходило, что в типичной стране ОЭСР на работу в материальном производстве тратится лишь 1% всего годового объема времени всего населения страны. Куда исчезает материальное производство? Политическая экономия не занимается материальным производством как таковым, она берет его как вещную форму отношения людей, но исчезновение последнего должна объяснять политическая экономия. Сохраняется ли индустриальное ядро в современной экономике? Если нет, то как вообще можно представить себе экономику? Может ли быть «общество знаний» без промышленности и машиностроения в частности?

Возможно, ответы на эти вопросы лежат в проблеме сужения докапиталистической периферии. Капитализация мировой деревни (и третьего мира в целом) раздвигают поле политэкономического исследования на периферию капиталистической миросистемы. На место этнографии приходит политическая экономия, которая призвана решить (или объяснить) проблему накопления и перемещения капитала от центра к периферии и возможности реализации прибавочной стоимости (Р. Люксембург).

Но в политической экономии появляются новые процессы, часть из которых даже получила название «новая политическая экономия». Суть этих процессов сводится к распространению политэкономического (или даже экономического) метода исследования на области, которые ранее не являлись предметом политэкономии. Назовем некоторые секции и доклады на недавней политэкономической конференции в Берлине (сентябрь 2017 г.). Так, среди секций можно назвать такие: «Политическая экономия работы: охрана и безопасность труда», «Политическая экономия структурной трансформации в Африке», «Политическая экономия финансового (де)регулирувания», «Политическая экономия энергии и окружающей

среды», «Политическая экономия финансовых рынков: монетарная политика и регулирование». Теперь назовем несколько запоминающихся докладов: «Транснациональная политическая экономия и туризм: критические подходы», «Политическая экономия задолженности частного сектора в Турции», «Политическая экономия промышленной политики: американские уроки», «Политическая экономия неолиберального национализма в индийском энергетическом секторе», «Политическая экономия трансформации биржевого сектора», «Политическая экономия миграции и поиск радикальных альтернатив», «Лимиты марксистской революции в политической экономике» и др. Как видно, многие ученые политэкономическую методологию применяют к исследованию очень разнообразных проблем, что еще не очень привычно. Но это же говорит о том, что современная политическая экономия расширяет свое исследовательское поле и способна пролить свет на многое такое, что неоклассическая теория лишь констатирует, но не объясняет.

И, пожалуй, самое важное. Сегодня появилось новое проблемное поле политической экономики на границе рынка и нерынка. Тут можно выделить две линии. Первая, то что есть процессы, отношения и блага, которые по природе своей не имеют рыночного характера, но в силу всеобщности денежной экономики получают денежный эквивалент и предстают как результат овеществления. То есть нерыночное благо начинает функционировать в оболочке рыночного товара. Это благо (например, культура, образование, спорт) благодаря многим действиям государства приобретает товарную (денежную) форму и начинает функционировать как элемент (часть) рыночной экономики. Часто некоторые авторы рассматривают культуру или образование (*Музычук, Яковлева*) как отрасли экономики. Возможно, это правильно, но только в том случае, если экономику брать не только как рыночный обмен, а как процесс максимизации общественной полезности. Таким образом, потребительная стоимость не через меновую, а непосредственно становится предметом политической экономики (Ж. Бодрийяр) или богатством становятся самопредставляемые вещи (М. Фуко). Другая линия обратная. Многие рыночные продукты (товары) в силу социальных ограничений и других причин перестают быть товарами и выпадают из нормального рыночного функционирования. Например,

общественные блага («опекаемые блага», А. Рубинштейн), для которых создается квазирынок.

В этой связи вырастает роль бюрократии и бюрократизма не только как инструментов политической формы, но и экономически содержательного механизма. При этом существенно возрастают риски бюрократизации, когда содержательные моменты экономического процесса (и шире — общественного процесса) замещаются формальными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

О модели государства «плеймейкер» (Play-maker)

Сегодня модель регулирующего государства уже не работает. Азиатская модель государства развития, при всех ее плюсах для европейской и североамериканской традиций, скорее всего, не во всем приемлема. Аутентичная европейская модель сегодня еще окончательно не сформирована и предстает, по-видимому, в виде ряда *переходных моделей*. Элементы государства развития складываются в процессе поиска эффективных механизмов государственного управления. Здесь необходимо упомянуть такие разновидности, как *сильное государство; клиентоориентированное государство; сервисное государство; эффективное государство*.

От государства в подобных обстоятельствах требуется способность четко определять и формулировать фундаментальные тренды развития, анализировать вероятные альтернативы и варианты, разрабатывать сценарии возможных действий, ориентировать и мобилизовывать общество на осуществление движения в избранных направлениях. Необходимо, по возможности, предугадывать и просчитывать как патерналистские, так и управленческие провалы государства. Или, как минимум, государство должно понимать необходимость привлечения научного и экспертно-аналитического сообщества, инициировать, организовывать и координировать такое интеллектуальное проектирование и производство. Оно призвано администрировать процесс, быть политическим менеджером кон-

цептов и проектов, который как политическая власть может сделать то, чего не в состоянии сделать профессиональный ученый, аналитик, эксперт, — политически мотивированный и обоснованный выбор.

Стоит отметить, что нечто подобное имеется системе разработки и принятия стратегических решений в США. Она носит ярусный характер и включает представителей политического класса и истеблишмента, генералитета армии и спецслужб, членов научного и экспертно-аналитического сообщества, ведущих мозговых центров, наиболее авторитетных представителей экономического класса, крупных корпораций и финансовых институтов. В этой системе постоянно происходит ротация, в силу чего профессионализм этих специалистов отличается богатством опыта, чрезвычайным кругозором. Именно поэтому качество стратегического мышления и стратегических решений в американской политической системе всегда представлялось ее визитной карточкой.

Такая направленность эволюции патерналистского государства позволит не просто трансплантировать уже известную модель государства развития в экономики развитых капиталистических стран. Во-первых, она, безусловно, генетически несет в себе все лучшее и устойчивое, что составляло содержание предшествующих моделей, представляя их симбиоз (может быть, точнее, в терминах диалектики, — синтез). Во-вторых, она может оказаться тем искомым средством, который сможет соответствовать запросам переходной эпохи, особенностям нового витка глобализации, способствовать процессам становления нового экономического порядка, успешно исполнять антикризисные функции. И, в-третьих, по мере изменения структуры властных, административных, контрольных, партнерских и координационно-согласительных отношений и функций государство все более и более будет эволюционировать в одного из ключевых (наряду с другими) игроков поля формирования, согласования, принятия и исполнения социально-экономических решений, держащего в своих руках все нити игры и находящегося в постоянном диалоге и партнерском взаимодействии с бизнесом, гражданским обществом, отдельными социальными группами и гражданами.

В этом смысле оно из субъекта политической воли, администратора процесса превращается, образно говоря, в плеймейкера,

от качества мышления и мастерства которого, умения организовывать командную игру зависят результаты игры. Эта модель может развиваться в направлении *новой модификации патерналистского государства*. Модель государства *play-maker'a* – это модель самостоятельного и полноправного экономического субъекта, определяющего общественный интерес и нормативные установки развития, располагающего ресурсами для их реализации, гармонично взаимодействующего с современными формами демократии и гражданского общества, не нуждающегося в страховании и подкреплении авторитарными стяжками (скрепами) и защищенного от рецидивов и всполохов охранительного (как этно-, так и политического) национализма, что важно, в особенности, для постсоциалистических стран, решающих задачи догоняющего развития. Контуры такой модели уже отчасти очерчены в новом Докладе о мировом развитии 2017. Государственное управление и закон (Доклад о мировом развитии 2017, с. 55).

Есть ли перспективы развития *модели государства play-maker'a в России*? Мы полагаем, что такие предпосылки имеются. Конечно, они обусловлены характером и темпами развития политической демократии, общественного самоуправления, успехами в реформировании государственного управления и государственной службы. В социальном плане они связаны с выращиванием новых дееспособных и современных политических элит, свободных от догм и примитивных имитаций западного политического неолиберализма, пут клановых, бюрократических и коррупционных связей с элитами родом из 90-х, настаивающих на консервации прежних теоретических парадигм, моделей социально-экономического развития, методов регулирования экономики. В этом русле идет и создание параллельных государственных институтов развития, институтов кадрового резерва (Кадровый резерв Президента РФ, – «Президентская 1000»; политические партии и их общественные структуры по подготовке кадровых резервов), бизнес-инициатив и его, бизнеса, кадровых проектов, формирование некоммерческих (саморегулирующих) организаций гражданского общества, способствующих поиску, обучению, выдвижению, карьерному продвижению в политике и государственном управлении талантливой молодежи.

С другой стороны, закладываются основы широкой сети публичных институтов, способных осуществлять не только общественный контроль власти, но и формулировать общественный запрос, отклик на общественные потребности, переводить его в формат необходимых и неотложных политических решений. Их принятие и реализация должны определять повестку дня, предмет для обсуждения и координации действий власти, политических элит, государственного управления, с одной стороны, и институтов гражданского общества, граждан, с другой (*Городецкий, 2017, с. 51–75*).

Отметим, что в большинстве развитых зарубежных стран молодежная работа осуществляется в первую очередь негосударственными организациями. Так, например, в Германии действует так называемый «принцип subsidiarity» в соответствии с которым социальные проблемы должны решаться на том уровне, на котором они возникают, а вышестоящий уровень обязан оказать для этого необходимую поддержку (субсидию). Указанные предприятия активно поддерживаются или поддерживались в период становления из бюджета и социальных фондов. Выбор организационно-правовой формы обусловлен необходимостью совмещать бюджетное финансирование с доходами от собственной предпринимательской деятельности.

В законодательстве ряда стран такие предприятия имеют особый статус общественно-полезных, или учебных, и получают соответствующие преференции. Таким образом, эти коммерческие структуры выступают в той же позиции, что и некоммерческие организации, другие учреждения социальной сферы. В российском законодательстве принцип приоритета общественных инициатив по сравнению с деятельностью государственных органов и учреждений при финансировании мероприятий и программ, касающихся молодежи, закреплен в «Основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации» и региональных законах ряда субъектов Российской Федерации (например, в Санкт-Петербурге). Однако на практике пока в большинстве случаев этот принцип не соблюдается.

В составе некоммерческих организаций подобного рода можно выделить:

- политические партии и организации, имеющие молодежные отделения («Молодая гвардия» Единой России, «Союз коммунистической молодежи», Молодежное отделение ЛДПР и др.);
- молодежные политические движения и организации федерального и регионального уровней («СЕТЬ», «ДА!», «Местные» и др.);
- молодежные парламенты и правительства как новые организационные формы вхождения молодежи во власть [6].

В сложном, динамично развивающемся обществе, предлагающем молодежи огромные возможности, повсеместно развиваются сети информационных и консультативных служб. Молодым людям требуется не только информация, но и помощь, чтобы понять, что действительно полезно для них и как они могут использовать возможности подобных служб.

За рубежом, практически в каждой стране, существуют различные виды информационных и консультативных служб, дифференцирующихся по специализации. Как правило, службы, специализирующиеся на определенной тематике, обслуживают все группы населения. Молодежные информационные и консультативные службы служат примером служб комплексного характера, предназначенных для специальных групп населения.

Такое, в широком, новом смысле, государственное управление способно не только осуществлять уже разработанную и принятую государственной властью экономическую политику, но и творчески политически генерировать общегосударственные интересы, нормативные установки на основе широкого общественного согласия и представительства интересов всех классов, групп и слоев общества.

Литература

- Атаян Г.Ю.* Экономическая функция в структуре либеральной и этатистской модели представлений о государстве. 2011 г. superinf.ru/view_helpstud.php?id=1215.
- Бачило И.Л.* Государство социальное или сервисное? (Информационно-правовой аспект) // Право. Журнал высшей школы экономики. 2010. № 1. С. 3–11.
- Бентам И.* Избранные сочинения / Перевод с англ. Издания Боуринга и фр. Дюмона, А.Н. Пыпина и А.Н. Неведомского. Т. 1. СПб.: Рус. книж. торговля, 1867 – Библиотека классических западно-европейских писателей в русском переводе.
- Бентам И.* Принципы законодательства // О влиянии условий времени и места на законодательства. Руководство по политической экономии / Пер. М.О. Гершензона. М. 1896.
- Багдасарян Б.Э.* О реальных механизмах рекрутинга политических элит // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Вып. 3. 2010. С. 119–121.
- Блок Ф.* Роли государства в хозяйстве // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004.
- Булгаков С.Н.* Труды по социологии и теологии. Т. 1. От марксизма к идеализму. М.: Наука, 1999.
- Бурдые П.* О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2017.
- Бьюкенен Дж.* Сочинения. М.: Таурус Альфа, 1997.
- Гидденс Э.* Социология. М.: Едиториал УРСС, 2005.
- Головко Ю.М.* Тренды, влияющие на рекрутирование политических молодежных элит в российской политической действительности // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 10.
- Городецкий А.Е.* Планирующие системы Дж.К. Гэлбрейта и российская современность // «Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Перегрузка». Т. 1. «СПЭК-2017» / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб. 2017. С. 51–75.

- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Индивидуум & Государство: экономическая дилемма. М.: Весь Мир, 2013.
- Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.
- Зунтум У. Невидимая рука: экономическая мысль вчера и сегодня. М.: Мысль, 2017.
- Доклад о росте. Стратегии устойчивого роста и инклюзивного развития. Комиссия по росту и развитию. (The Growth Report. Strategies for Sustained Growth. and Inclusive Development Commission on growth and development). Издано для Всемирного банка. М.: Изд-во «Весь Мир». 2009. С. 194.
- Доклад о мировом развитии 2017. «Государственное управление и закон». Обзор. Группа всемирного банка. С. 55. doi:10.1596/978-1-4648-0950-7.
- Евстратов А.Э. Политико-правовые взгляды Лоренца фон Штейна на социальное государство / Материалы Международной научно-практической конференции «Права и свободы человека и гражданина в современном мире» 26 мая 2004 года. Омск, 2005. С. 155–161.
- Зайковский В.Н. Сервисное государство: новая парадигма или современная технология государственного управления? // Журн. «Приоритеты России». 3(231). 2014. С. 35–48.
- Иваненков С.П., Кострикин А.В. Проблемы исследования социальной активности молодежи // Credo new № 3, 2009.
- Кимлика У. Современная политическая философия: введение / Пер. с англ. С. Моисеева; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010.
- Кострикин А.В. Зарубежный опыт социальной работы с молодежью // Проблемы социальной работы с молодежью: Учеб. пособие / Под ред. С.С. Бразевича, Е.Г. Слуцкого. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской академии управления и экономики, 2006. С. 134–136.
- Кострикин А.В. Социально-экономические условия деятельности молодежных общественных объединений // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, 2008. № 1. Т. 9. С. 65–67.
- Кочеткова Л. Н. Теория социального государства Лоренца фон Штейна // Философия и общество. Выпуск № 3(51)/2008.
- Коженко Я., Мамычев А. Сервисное государство: проблемы теории и практики реализации // Власть. 2010, № 3. С. 44–46.
- Кубедду Р. Либерализм, тоталитаризм и демократия. Политическая философия австрийской школы. М.; Челябинск: Социум, 2014.

- Кэттл Ф.Д.* Реорганизация государственного управления. Анализ деятельности федерального правительства. Классики теории государственного управления: американская школа. М.: Изд-во МГУ, 2003.
- Менгер К.* Избранные работы. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2005.
- Мизес Л.* Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. М.: ОАО НПО «Экономика», 2000.
- Мизес Л.* Либерализм. М., 2001.
- Мизес Л.* Всемогущее правительство. Тотальное государство и тотальная война. Челябинск: Социум, 2006.
- Мишель А.* Идея государства. Критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времени Революции. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1909.
- Музычук В.Ю.* Государственный патернализм в сфере культуры: что не так с установками патера в России? М.: ИЭ РАН, 2017.
- Осборн Д., Пластрик П.* Управление без бюрократов. М: Прогресс. 2001.
- Основы государственной молодежной политики до 2025 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р г. Москва. rg.ru/2014/12/08/molodej-site-dok.html?desktop=true.
- Отчет о мировом развитии, 1997. Государство в меняющемся мире. Публикация по заказу Всемирного банка. Агентство экономической информации «ПРАЙМ-ТАСС».
- Парисон Н., Мэннинг Н.* Реформа государственного управления: Международный опыт. Всемирный банк, 2003.
- Посадский А.* Экономический патриотизм и государство развития. gpublica.ru/ekonomicheskij-patriotizm-i-gosudarstvo-razvitiya-2.
- Пеннингтон М.* Классический либерализм и будущее социально-экономической политики. М.: Мысль, 2014.
- Поланьи К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алатейя, 2002.
- Поппер К.* Открытое общество и его враги. В 2-х т. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.
- Роик В.* Пенсионная система России. Вызовы XXI века и пути модернизации. СПб.: Изд-во «Питер». 2012. С. 95.
- Роик В.Д.* Социальная модель государства: опыт стран Европы и выбор современной России // Государственная власть и местное самоуправление. 2006. № 10. С. 27.
- Рубинштейн А.Я.* Теория опекаемых благ в оптике сравнительной методологии. М.: ИЭ РАН, 2013.

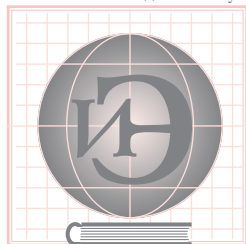
- Рубинштейн А.Я. Теория опекаемых благ и патернализм в экономических теориях: общее и особенное. М.: ИЭ РАН, 2015.
- Рубинштейн А.Я. Социальный либерализм и консоциативный патернализм // *Общественные науки и современность*. 2016. № 2. С. 5–38.
- Самуэльсон П., Нордхаус В. Экономика. 16-е изд. М.: Изд. дом «Вильямс», 2005.
- Самусевич А.В. Анализ основных институтов рекрутации политических элит // *Международный научный журнал «Инновационная наука»*. №6. 2015. С. 266–268.
- Сморгунов Л.В. Сравнительный анализ политико-административных реформ: от нового государственного менеджмента к концепции «governance» // *Полис*, 2003. № 4.
- Сулемов В.А. Государственная кадровая политика в современной России: теория, история, новые реалии. М.: РАГС, 2006.
- Соколова Р.И., Спиридонова В.И. Государство в современном мире. М.: ИФ РАН, 2003.
- Солнцев С.И. Заработная плата как проблема распределения. СПб., 1911.
- Спенсер Г. Личность и государство. Челябинск: Социум, 2007.
- Стиглиц Дж. Экономика государственного сектора. М.: Изд-во МГУ, ИНФРА-М, 1997.
- Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). М.: Русский путь, УМСА – PRESS, 2004.
- Таллок Г. Общественные блага, перераспределение и поиск ренты. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.
- Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб.: Лань, 1998.
- Уилэн Ч. Голая экономика. Разоблачение унылой науки. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2005.
- Фридман М. Капитализм и свобода. М., 2006.
- Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 3. Статьи и интервью 1970–1984. М.: Праксис, 2006.
- Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004.
- Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М.: АСТ; Хранитель, 2006.
- Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Праксис, 2010.
- Хайек Ф. Познание, конкуренция и свобода. Антология сочинений. СПб.: Пневма, 1999.

- Хайек Ф. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М., Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2016.
- Хиггс Р. Кризис и Левиафан: поворотные моменты роста американского правительства. М., Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2016.
- Хома В.М. Модели социального государства: новые подходы к типологизации. // Актуальные проблемы политологии, 2013. № 1 (144). Вып. 25. cyberleninka.ru/article/n/modeli-sotsialnogo-gosudarstvanovye-podhody-k-tipologizatsii.
- Хомский Н. Государство будущего. М.: Альпина нон-фикшн, 2012.
- Цыганков А. Сильное государство: теория и практика в XXI веке // Россия в глобальной политике. 2015. № 3. www.globalaffairs.ru/number/Silnoe-gosudarstvo-teoriya-i-praktika-v-XXI.
- Шумпетер Й.А. История экономического анализа. В 3 т. Т. 3. СПб.: Экономическая школа, 2001.
- Эрхард Л. Благополучие для всех. М., 1991.
- Baran P., Sweezy P. Notes on of the Theory of Imperialism // Problems of Dynamics and Planning. Essays in honour of Michal Kalecki. Warszawa: Polish Scientific Publishers, 1964. S. 13–25.
- Becker. The Economic Approach to Human Behavior. Chicago: University of Chicago Press, 1976. P. 3–14.
- Berbergbe Berch. Class Structure and Social Transformation. Westport, Connecticut, 1994.
- Chilcote R.H. Theories of Comparative Political Economy. Boulder: Westview Press, 2000.
- Crompton R. Class and Stratification. An Introduction to Current Debates. Cambridge, 1993.
- Goodfriend, Marvin and King, Robert G. The New Neoclassical Synthesis and The Role of Monetary Policy. Federal Reserve Bank of Richmond. Working papers. June 1997. No. 98-5. richmondfed.org/publications/research/working_papers/1998/pdf/wp98-5.pdf.
- Haley John. Authority Without Power: Law and the Japanese Paradox. New York: Oxford University Press, 1995. С. 154.
- Johnson Chalmers. Japan: who governs?: the rise of the developmental state 68. New York: Norton, 1995.
- Johnson Chalmers. MITI and the Japanese Miracle: the Growth of Industrial Policy, 1925–1975. Stanford University Press. 1982.
- Jayasuriya Kanishka. The Rule of Law and Governance in East Asia, in Reconfiguring East Asia: Regional Institutions and Organizations After the Crisis 99 (Mark Beeson ed., 2002).

- Kruger A.* The political economic of the rent seeking society // American Economic Review. 1974. No. 3 (64). P. 291–303.
- Law, Capitalism and Power in Asia: the Rule of Law and Legal Institutions. Kanishka Jayasuriya ed. London: Routledge, 1999.
- Mankiw N. Greg.* The Macroeconomist as Scientist and Engineer. May 2006. P. 14–15. economics.harvard.edu/faculty/mankiw/files/Macroeconomist_as_Scientist.pdf.
- McMillan Charles.* The State as Economic Engine: Lessons from the Japanese Experience in The State and Economic Development: Lessons From the Far East 1 (Robert Fitzgerald ed., London; Portland: F. Cass, 1995).
- Mikanagi Yumiko.* Japan's Trade Policy: Action or Reaction? 19–21. London; New York: Routledge, 1996.
- Miyamoto Masao.* Deregulating Japan's Soul in Unlocking the Bureaucrat's Kingdom. Deregulation and the Japanese Economy (Frank Gibney ed., Brookings, 1998).
- Pekkanen Saadia M.* Japan's Aggressive Legalism: Law and Foreign Trade Politics Beyond the WTO (Stanford University Press, 2008).
- Institutions of Catching-up Development. Victor Polterovich CEMI RAS, MSE MSU 27 August 2016. Paper No. 73447, posted 31. August 2016 09:45. UTC mpr.ub.uni-muenchen.de/73447/MPRA.
- Potter Pitman.* The Chinese Legal System: Globalization and Local Legal Culture (Routledge, 2001).
- Report on the World Economic Forum on East Asia in Kuala Lumpur, Malaysia 15–16 June 2008. www.weforum.org/en/events/ArchivedEvents/WorldEconomicForumonEastAsia2008/index.htm.
- Stein Lorenz von.* Der Socialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs, 1842 («Социализм и коммунизм в современной Франции»); Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage, 1850 («История социального движения во Франции с 1789 г. до наших дней»); Die Verwaltungslehre, 1865–1868 («Учение об управлении»); Gegenwart und Zukunft der Rechts- und Staatswissenschaft Deutschlands – Stuttgart, 1876 («Настоящее и будущее науки о государстве и праве Германии»).
- Streeten Paul.* Governance, in Current Issues in Economic Development: an Asian Perspective (M.G. Quibria & J. Malcolm Dowling eds., Oxford University Press, 1996).
- Wade Robert.* Governing the Market: Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization (Princeton: Princeton University Press, 1990).

- The History of Economic Thought The Neoclassical-Keynesian Synthesis. Website. The New School; Woodford, Michael. Convergence in Macroeconomics: Elements of the New Synthesis. January 2008. www.columbia.edu/~mw2230/Convergence_AEJ.pdf.
- World Bank. The East Asian Miracle: Economic Growth and Public Policy 83. New York, Tokyo: Oxford University Press. 1993.
- Wright E.O.* (ed.) The Debate on Classes. L., 1989.
- Xiaoming Huang.* Between the State and Market: The Problem of Transition in East Asia, in The Political and Economic Transition in East Asia: Strong Market, Weakening State 3 (Huang Xiaoming ed., 2001).

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

М.И. Воейков, А.Е. Городецкий, Р.С. Гринберг

Экономическая природа государства: новый ракурс

Оригинал-макет – Валериус В.Е.

Редактор – Полякова А.В.

Компьютерная верстка – Хацко Н.А.

Подписано в печать 27.03.2018 г.

Заказ № 8. Тираж 300. Объем 1,7 уч. изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0634-4

9 785994 006344